

Искусство чтения

Олег АЛИФАНОВ

ЕЩЕ О ЗАГАДКАХ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

Повесть Пушкина и читателю XIX века казалась загадкой, а для нашего современника это — настоящий ребус.

Повесть начинается с описания ужина, где происходит важный разговор, который обычно игнорируют, между тем именно он служит подлинной завязкой сюжета:

- Что ты сделал, Сурин? — спросил хозяин.
- Проиграл, по обыкновению. Надобно признаться, что я несчастлив: играю мирандолом, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьешь, а все проигрываюсь!
- И ты ни разу не соблазнилс² ни разу не поставил на *руте*?.. Твердость твоя для меня удивительна.

Зачем нужен автору неудачник Сурин, который больше не появится в повести? Считается, что Пушкину надо было разогнать действие, перед тем как Томский расскажет о бабушке — что и станет завязкой. Но нет, диалог Сурина и Нарумова имеет самостоятельную ценность. «Пиковая дама» даже для пушкинской прозы предельно лаконична, поэтому ни одного случайного слова там просто не может быть. Неудачник Сурин призван ввести в текст ключевые слова, прежде чем исчезнуть. «Ключевые» — значит дающие ключ к разгадке всей повести. Это не случайные карточные термины, они связаны и с фабулой, и с характерами персонажей.

Итак, Сурин играет мирандолом. Мирандоль — стратегия игры с одиночной ставкой на одну и ту же карту. А потом упоминается *руте*. Автор выделяет курсивом только это слово и впоследствии еще два ключевых. Руте — термин, означающий

Олег Владимирович Алифанов родился в 1967 году в Москве. В 1992 году окончил Московский инженерно-физический институт. С середины 1990-х публиковал в различных, в том числе «толстых», журналах и литературных сборниках статьи и эссе.

карточную стратегию, противоположную мирандолю, — удваивание ставок. Именно таким и окажется в дальнейшем путь Германна, карточного вуайериста, ставившего игру высоко, но не ставившего на кон ни гроша. «...Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» Итак, запомним: руте Германну вовсе не чуждо, в жизни он уже пытался играть, используя стратегию «РУТ». Не хватает лишь «Е». Но вскоре и оно найдется. В этой же фразе впервые появляются «тройка» и «семерка», задолго до того, как они причудятся ему в бреде безумия. А туз? Тут сказано совершенно ясно, что для Германна туз — его капитал. В результате тройной игры его капитал должен был увосьмериться. $8 > 7$. Руте («route») карточное (стратегия игры) еще до самой игры победило в нем путь жизни («route»), то есть жизненную стратегию.

Германн — молодой военный инженер, унаследовавший от отца-немца капитал в 47 тысяч рублей, с которого не тратит даже процентов. Живет скромным жалованьем. Что такое 47 тысяч в 1833 году? Большие ли это деньги? Не будем сравнивать с ценами на хлеб и мясо — в пушкинской повести описана жизнь аристократов. Бутылка шампанского стоила около 15 рублей (не серебром, а ассигнациями). У Толстого молодой Ростов проигрывает Долохову 43 тысячи рублей, правда, до войны 1812 года рубль был дороже. Проигрыш этот для полуразорившихся Ростовых настоящая катастрофа. В то же время богач Пьер по закладным платит в год 80 тысяч рублей — и не испытывает при этом никаких затруднений. Для Германна 47 тысяч рублей — огромная сумма. И не только для него. В клубе богатых игроков у Чекалинского (в его приезд в Петербург) никто больше 275 рублей семпелем не ставил. Хотя вообще тысячные ставки — не редкость, в том числе и для самого Пушкина. Огонь-Догановскому, с которого списан Чекалинский, Пушкин проиграл 25 тысяч.

Германн — приятель хозяина дома, где идет игра, конногвардейца Нарумова, приятель не последний, поскольку именно Нарумов вводит его в клуб Чекалинского. Это важно. Нарумов — богатый аристократ, поскольку в конногвардейцы брали не просто высокорослых и родовитых, но тех, кто мог позволить себе жить на широкую ногу... Кроме конногвардейского, такой статус имели еще только два полка — кавалергардский и кирасирский. Банка Нарумов, кажется, не держит, но дает роскошные предрассветные ужины с шампанским. Почему Нарумов дружит с Германном — неясно. Это загадка сложнее тайны трех карт. Вся повесть полна подобных загадок и оставляет читателю простор для самых невероятных догадок и предположений.

Итак, расчет (Р) у Германна есть. Это его первая ставка. Умеренность (У) тоже имеется. И вторую ставку он покрывает. Трудолюбие (Т) же отсутствует напрочь. Это его мифический куш, пустое загибание угла. Трудолюбие (добродетель, доставшаяся от отца, обрусевшего, но все же немца) превратилось в рудимент. Германн немецким еще разумом понимает, что трудом заработать можно, но ночи напролет проводит наблюдая за игроками и заключает, что для обогащения труд вовсе не обязателен. Германн — бездельник, как и все его приятели. Он не Штольц. Его интересует штосс. Третья ставка обречена. Впрочем, аббревиатура РУТЕ оставляет еще шанс. Чтобы сорвать куш, Т должно быть заменено на Е (своего рода прикуп), но Е пока тоже нет. Пока.

Игра у Пушкина не названа, но молодежь, по всей видимости, играет в «фаранон» («штосс», «банк»). Это простая азартная игра, в которой ум совсем не требуется. У банкомета (он сдает карты и обязан отвечать на ставки понтеров) и понтера (он делает ставку) имеется по колоде карт. Понтер выбирает из своей колоды карту, кладет ее рубашкой кверху и покрывает ставкой. БанкOMET сдает свою колоду, от-

крывая карты парами (это называется «прокидка»). Карта, легшая направо, дает выигрыш банкомету, налево — понтеру. Если выпадают равные по значению карты («плие»), то выигрывает банкомет, так что шансы в игре вовсе не равны. Если обе открытые карты не совпадают с картой, отложенной понтером, начинается следующая прокидка. Понтеров может быть несколько, каждый имеет право ставить на несколько карт. Несмотря на то, что в повести настойчиво фигурирует именно пиковая дама, в игре масти никакого значения не имеют. Когда претензии понтеров удовлетворены, колоды выбрасываются, и игроки распечатывают новые. Причин тому несколько. Можно быть уверенным, что на старых колодах никто не сделал помет. Карты нещадно портили, загибая углы, что означало удвоение ставки и т. д. Отсюда в эпиграфе «Гнули, Бог их прости, от пятидесяти на сто...». Отсюда же ироническое: «Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования, еще учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою». Описание типичное мошенничества, за которое не били, — такова была законная часть игры. Доходы от продажи несметного количества колод шли на благотворительные цели. У Опекунского совета даже имелась монополия на продажу карт.

Однако вернемся к началу пушкинской повести. Некто Paul Томский, внук старой графини, рассказывает, как в молодости бабушка проиграла в Париже герцогу Орлеанскому огромную сумму. Граф Сен-Жермен (он же граф Салтыков, он же князь Ракоци, он же Агасфер и пр. и пр.) «открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал». Давно замечено (но никак не объяснено), что Сен-Жермен не назвал ей три карты, а открыл некую Тайну, обладание которой позволило графине самой назначать три выигрышные карты — как себе, так и другим. То, что это не тайна тройки-семерки-туза, слишком очевидно. Читатель — нет, а Германн отлично понимает: Тайна и секрет трех карт не одно и то же: «Что, если, — думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, — что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты!» Он догадывается: Тайна — выше, но ему нужна лишь ее предметная, материальная часть — три карты. Человек с профилем Наполеона уже готов разменяться на мелочи. Предпосылки «обдернуться» в решающий момент с выбором карты налицо.

А кто такой Сен-Жермен? Фигура эта вполне историческая, но, кроме того, и культурный мем. Известно о нем достаточно. «Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая...» Многие из его фокусов, порой довольно сложных (удаление дефектов внутри драгоценных камней и т. п.), не разгаданы. В картах никогда не понтировал. Предположительно, он торговал между тем светом и этим, исполняя роль посредника. То есть избегая торговать своей душой, помогал другим закладывать свои. Ну и, жил маржой. В общем, труженик по сравнению с герцогом Орлеанским.

Что же на самом деле сделал «старый чудак»? «Сен-Жермен задумался». Надо ли ему ввязываться в сомнительную и довольно скандальную историю — ведь его, графа всех времен и народов, графиня ставила на один уровень с каретником, который может и подождать: «есть разница между принцем и каретником». И вместо того чтобы одолжить сумасбродке денег и ввергнуть ее «в хлопоты», он предпочитает устраниваться и поведать ей некую Тайну: разбирайся сама со своим герцогом. Шутка злая, но долг платежом красен. Само обладание Тайной — еще не грех, но использование ее конвертирует долг земной в долг внеземной (кармический), что не может не понимать даже молодая ветренная дама. Сам граф секрет трех карт ей не

открыл, дабы не навлекать такого долга на себя. Но ей выбор предоставил. Впрочем, вероятно, Сен-Жермен ее предупредил, что не всякое использование Тайны ляжет на душу тяжким бременем. Можно обойтись и нетяжким. В силу того, что карточные выигрыши или проигрыши суть случаи, наносящие вред душам победителей и проигравших, то вернуть все на свои места — значит сделать так, как если бы ничего и не было. Ведь деньги не передавались и не пускались еще ни в какой оборот. Московская Венера приехала играть, «выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно».

Отыгралась — но не приобрела сверх того. *Не жертвовала необходимым в надежде приобрести излишнее.* Она вообще денег не ставила. Она привезла герцогу Орлеанскому лишь обещание и — новую устную, точно рассчитанную ставку ($\frac{1}{8}$ от «очень много», отписанного накануне). Важнейшая заповедь, также выведенная в повести курсивом, — это кредо Германна. Его он и нарушил.

Понятно, что сам по себе выигрыш три раза подряд чем-то выдающимся не является, его вероятность достаточно высока — около 10 %. Но выигрывать соника, то есть с первой же прокидки трижды подряд, — вещь уникальная. Поверишь тут во что угодно. Это что-то вроде недвусмысленного сигнала: «Голубчик (голубушка), твоя душа — в залоге!..» Именно этого, кстати, не понял режиссер Масленников, снимая в 1982 году фильм по пушкинской повести. У него Смоктуновский-Чекалинский мечет подряд много прокидок, прежде чем выпадают нужные карты. Непонятно, однако, отчего у него руки трясутся. Не он же ставит на кон все свои деньги, а Германн. У Чекалинского-то — миллионы. Что для него может значить этот проигрыш, тем более он как банкомет может в любой момент отказаться покрывать все возрастающие куши. А руки у него трясутся оттого, что дело нечисто, и он это понимает. Карты-то идут сразу. Проигрыш или выигрыш мгновенны.

Графиня за долгую жизнь не открыла чужой/своей тайны ни одному из четверых сыновей. Юный Томский считает ее поэтому изрядной стервой, но она, конечно, знала, что делала. Ведь Томский рассматривает тайну как основу для выигрыша, а дело это, напомним, вредное для души. Графиня на самом деле творит благо, понимаемое превратно: внук считает, что ему знать тайну «было бы не худо», но бабушка-то знает, что именно «худо». Она лишь однажды указала три карты (не Тайну, а тайну) некоему Чаплицкому, которому тоже необходимо было отыграть у Зорича около 300 тысяч... «с тем, чтоб он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкий явился к своему победителю: они сели играть. Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул пароли, пароли-пе, — отыгрался и остался еще в выигрыше...» Цифры тут не случайны. Запомним их.

Томский понимает «жалость» графини-бабки к Чаплицкому как благо, завидует «счастливцу», а Чаплицкий-то «умер в нищете, промотав миллионы».

Считается, что он нарушил условие — больше не играть, но об этом нигде прямо не сказано. Может, играл, а может, и нет. Главное: ему не надо было выигрывать. Его нищета может рассматриваться и как его личное искупление. А 50 тысяч (около 50, может, 47), выигранные им сверх долга, остались на чьей совести? Графини?

Описание графини Анны Федотовны во время ее милого диалога с внуком никак не дает оснований подозревать ее в недобрых намерениях по отношению к кому бы то ни было. Неприязнь к ней порождается скорее на нейролингвистическом уровне. Слова «Пиковая дама» мы до того встречаем дважды — подряд — в самом начале повести. Это заглавие и первые два слова эпиграфа. Дальше мы ее ждем. А ее все нет. А ее и на самом деле нет. Ее и не будет, она, вероятнее всего — порождение

мнительности Германна. Даже само это сочетание слов вновь появится в повести лишь в последних строках.

А зачем в повести история с барышней по имени Лизавета? Считается, что автору понадобилась «любовная» интрига, чтобы продемонстрировать эгоизм и холодный расчет Германна. Что автору надо было как-то ввести Германна к старухе, и он цинично использовал доверчивость наивной девушки. Но это не так. Это слишком просто. Эгоизм и расчет демонстрируют все действия Германна. А вот как ему попасть к старухе? Есть два пути. Он — друг Нарумова, которого Томский собирается с ее позволения представить ей на балу и получает согласие. (Это единственная причина визита Томского к бабушке.) Еще один подобный шаг — и Германн был бы вхож к графине. То, что Германн ей не ровня, не аргумент. Он и Нарумову не ровня. А ведь не кто иной, как Нарумов, представит впоследствии Германна миллионщику Чекалинскому. Неудивительно, что Германн в конечном счете проникнет в дом графини, по сути, тайком! Дверей перед ним не распахивали. Совершенно чудным образом, неопишимо кривым путем с крыльца в сени: двери были предварительно заперты; швейцара не было, слуга спал...

Лизавета нужна совсем для иного. Елизавета — это «Е». Недостающая часть паяса судьбы. Замена «Г» на «Е» решила бы исход поединка с роком в пользу Германна. Ангелы-хранители дают иногда шанс. Раз нет трудолюбия, а денег хочется, пусть будет жена с приданым.

Но у Лизаветы приданого нет, ее прекрасным душевным качествам молодые люди предпочитают наглость и холодность невест с капиталом. Ее приданое — это выигрыш Германна. Только так можно безнаказанно взять займы у бесплотных сил. Напомним: отыграться можно, выиграть — нет. Но если вообразить, что Германн получит выигрыш только при условии женитьбы на Лизавете, то его выигрыш допустимо рассматривать как приданое. Ясно, что тут замешан не злой рок, а ангелы-хранители. Никто не ищет гибели Германна. Его ведут к правильному выбору довольно узкой тропой: обыграть не кого-нибудь, а закоренелого картежника. И получить в награду прекрасную жену, капитал, покой и независимость. А еще Германн получил бы — прощение. За смерть старухи, причиной которой отчасти стал.

В повести есть два совершенно недвусмысленных указания на то, что (Е)Лизавета — судьба и спасение Германна. При первом взгляде на окна дома в одном из них «увидел он черноволосую головку, наклоненную, вероятно, над книгой или над работой. Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь». На пиковую даму больше походит не старуха, а юная черноокая брюнетка. Далее, пробираясь крадучись в дом графини, он совершает роковую ошибку — «обдергивается»: «справа находилась дверь, ведущая в кабинет; слева, другая — в коридор. Германн ее отворил, увидел узкую, витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет». Вместо того чтобы идти налево, к Лизавете, он отправился направо, к графине. Напомним, что левая сторона выигрышная для понтера, правая — для банкмета. Графиня связывала с Лизаветой прощение Германну собственной гибели, здесь же содержится и явное указание на удачу в картах.

Почему такое легкое наказание было уготовано Германну за смерть старухи? А так ли уж виноват он в гибели графини? Он чуть подтолкнул ее к смерти, и сама она так считает. Но читая внимательно повесть, мы удивимся разнице в поведении живой и общительной Анны Федотовны за неделю до следующего описания: «Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее во-

ли, но по действию скрытого гальванизма». А ведь Германн даже еще не вошел к ней. В действительности мы видим старую даму в предсмертном состоянии от причин естественных (87 лет). Забыла, предположим, завещать Лизавете капитал в придание (а может, и капитала-то никакого уж нет).

Приходится слышать, что ее качание направо и налево — это род плетения ведьмой карточных козней «фараона», а модный гальванизм увязывают «с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом» — и с еще более модным масонством. В самом деле, астроном Лаланд основал весьма специфическую научную ложу «Девять сестер», куда входили и Монгольфьеры, а сам Сен-Жермен помогал Месмеру в исследованиях животного гальванизма (Месмер проповедовал взаимодействие в физическом мире всех существ посредством всемирной жидкости, которое он называл животным магнетизмом и которому приписывал целебную силу от всех болезней). Да, дескать, и Пушкин, и чуть ли даже не Наталья Петровна Голицына, с которой написана графиня, состояли в масонах... А Германн-де не был посвящен (так как инженер он — не архитектор), вот ему и не удалось...

Вспомним: Германн «хотел в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны. Случай избавил его от хлопот». Случай. То есть Рок. Дальше в повести появляется некий таинственный Чекалинский, «проведший весь век за картами и наживший некогда миллионы». Ангелы-хранители снова дают Германну шанс: выиграть деньги у картежника — у человека, приобретшего деньги по воле случая. Выиграть у выигравшего — как украсть у вора. Преступление, может быть, и большое, а грех малый. Смысловая разница между «выиграть» и «отыграть» по отношению к игроку превращается в онтологическую, носит принципиальный характер.

Германн собирался исполнить завет графини. Из чистого расчета. «Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь». Он даже идет на ее отпевание — испросить прощения. Трудно представить, но ее слова: «Прощаю тебе мою смерть, с тем чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...» — он игнорирует. Нельзя сказать, что он не верит в ночное наваждение, — очень даже верит и впервые идет играть — да и с какой ставкой — 47 тысяч! «...Игра ваша сильна: никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь еще не ставил». Семпель — одиночный разовый куш. Но Лизавета для него — то самое излишнее, он еще не готов жертвовать ради нее необходимым. Впрочем, он готовится. Она занимает в его страстном разуме определенное место. Но это место — второе. Первое — старуха. И это все губит. Он давно готов был «сделаться ее любовником». Не графиня же полезла к нему в гроб целоваться, а он к ней. Поистине, любовь до гроба.

Призрак графини утверждает, что явился не по своей воле. Многие полагают, что она подчиняется силам зла, но это не так. Она приходит, чтобы спасти Германна, ясно и точно указав ему путь: женитьба на Лизавете. Но не только. Вспомним, как описана игра графини против герцога Орлеанского и Чаплицкого против Зорича. Три талии подряд, без перерыва. А теперь графиня требует от Германна, чтобы он «в сутки более одной карты не ставил». Почему?

Да все потому, что Лизавета у него на втором месте. Германну бы после первого выигрыша бежать за кольцом, а после делать предложение. Ведь после первого выигрыша (соника, с первой же прокидки, как в легенде!) он убедился, что призрак его не обманул. Жениться, скорее жениться! Спасать душу, жену и приданое. Снять с себя *три злодеяния разом*.

Удивительно, но старуха всем персонажам повести делает только благо (своим сыновьям, внуку, Лизавете, Германну), однако все упорно считают ее мегерой. Читатель же вообще отождествляет ее с пиковой дамой.

У Германна остается еще один шанс на следующий день. Он еще может все исправить. Но он по-прежнему остается холоден к Лизавете (и всему, что с ней связано) и вот тогда терпит полный крах. Он «обдернулся» уже несколько раз. Теперь же все кончено. Он является к Чекалинскому, даже не подозревая, что играет против Сен-Жермена один на один. Оба персонажа (Чекалинский и Сен-Жермен) не случайно описаны в повести одинаково. Все честно. Туз выиграл. Но Германн проиграл.

Почему он сходит с ума? Простой, но ложный ход — считать, что Германн проиграл не 47, а 188 тысяч, поскольку таскал их при себе и успел с ними сжиться. Мол, если бы он играл без перерыва, как Чаплицкий, и не забирал бы выигрыша, то все могло бы обойтись... Германн лишился разума, потому что получил в «лоб». Он проиграл, как выигрывал, — с первой же прокидки. Первая карта называется «лоб», вторая — «соник». Представим, что направо легла бы не дама, а любая другая карта. Германн открывает даму и объявляет: «Туз выиграл». Туз и в самом деле выиграл, но у Германна стоит дама. Чекалинский указывает ему на ошибку, но игра еще не проиграна. Дальше она велась бы в открытую, пока не выпала бы дама у банкмета. Оставался бы шанс. Фатальна, убийственна только одна пара карт. И потому: «— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский».

Дама — Лизавета. Рушится все и сразу. Тонко связанные нити судьбы разорваны. И не злым роком. Рок — он связывает.

Поразительно, но эта важнейшая особенность всех трех партий финальной игры ускользнула не только от большинства читателей, но и от профессионалов. Нам могут возразить: мол, в отличие от игр графини и Чаплицкого, про игру Германна не сказано — «соник», а сказано — «сряду», то есть подряд. Любая иная интерпретация представляется нам неубедительной. Там, где талья длится долго, она долго же и описывается: «Талья длилась долго. На столе стояло более тридцати карт. Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования». Так же точно невозможна никакая иная интерпретация последнего куша Германна — 188 тысяч, хотя число это нигде не названо. Пушкин в «Пиковой даме» феноменально лапидарен и феноменально же точен.

Сошедший с ума Германн все еще делает выбор. Не между тузом и дамой. Между дамами. Их так много: гадальные, игральные, реальные. «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место». Он не может разрешить противоречие. Нужно было выбрать даму — тогда и туз бы сошелся. Но ведь он и выбрал даму! Даму, да не ту.

Повесть содержит еще одну загадку. Какую Тайну, частным случаем которой является секрет трех карт, поведал Сен-Жермен графине? Понять это несложно. Достаточно вспомнить, что графиня не угадывала карты, а назначала их. Германн сначала просит ее угадать, тогда она отговаривается, что это была шутка. Разумеется, шутка — угадать она и не могла, но могла — назначить. (Сен-Жермен — ученый-иллюминат, он не угадывает, а вычисляет. «Граф, вы — волшебник, угадайте мне площадь треугольника». — «Угадать? Вы шутите? Я могу рассчитать...») Больше она ничего не произносит, потому Германн начинает умолять ее не угадать, а именно назначить три карты. А потом старуха в ужасе видит, как тень узурпатора требует выдать саму Тайну. То есть каждое следующее требование Германна — игра на повышение. Она понимает, что он если и не знает, то догадывается о чем-то главном, и замолкает навсегда, в сущности, предпочитает умереть, но Тайны не выдать. Германн не стал в тот день Сен-Жерменом. Как несколько ранее не стал Наполеоном.

Тайна Сен-Жермена

Убежден, что никаких скрытых и/или мистических смыслов в самой повести «Пиковая дама» нет. А чего только там не ищут. Вот несколько примеров таких интерпретаций.

«Историческое» прочтение: Пушкин зашифровал дату антипавловского переворота. Поиграв числами (а их в повести предостаточно), комментаторы получали искомое. Числа, которые в заданную схему не укладывались, отбросили. Спрашивается: зачем в 1833 году Пушкину понадобилось зашифровывать общеизвестное? Об «апоплексическом ударе» табакеркой знали все. Между тем сторонники данной версии упорно отождествляли Германа с Павлом I. Он, дескать, пытается вывести у старухи (Екатерины II) тайну собственного происхождения: от камергера Салтыкова или от английского посла (эпизод у гроба графини). Концепция опирается на трактовку одного-единственного эпизода, и не более того.

«Нумерологические» концепции:

1) $3 + 7 + 11$ (Туз) = 21 — счастливое число, «очко».

$3 + 7 + 3$ (Дама) = 13 — несчастливое число, чертова дюжина.

Во времена Пушкина вряд ли играли в «очко» (это советская игра) и вряд ли так нумеровали карты.

2) 7 — число души (усемерить капитал путем труда).

8 — число денег (увосьмерить капитал путем игры).

Дескать, Германн продал душу за деньги. Будто это и так неясно. И дальше: «А старухе-то 87 лет! 8 и 7 — разве может это быть случайным?» И далее в том же духе... Нумерология явно зашла в тупик.

«Масонские» интерпретации: Германн — инженер, не архитектор, третий уровень посвящения он не прошел, поэтому третья ставка и не выиграла. Винтовая лестница, между прочим, означает подъем по степеням посвящения, а он этим пренебрег и т. д. и т. п. Допустим. Но как эти рассуждения приближают читателя к пониманию случившегося?

Пушкин, по сути, масоном не был. То, что его приняли в Кишиневе (!) в некую оперетку, не в счет. Но исследователи русского масонства не забывают эту нелепую историю. Для Европы Кишинев тогда был примерно тем же, чем сейчас... Кишинев. Когда Бельгию отделяли от Нидерландов, Пальмерстон не докладывал в палате общин: «Кишинев выразил протест. Что будем делать?» Большинство русских масонов даже в столицах служили лишь прикрытием для крайне узкой группы деятелей. К 1833 году от аристократического масонства и следа не осталось. Повывели.

«Автобиографические» теории. Пушкин имел предсказание, что если в 37 лет не погибнет от белого человека или белой лошади, то проживет долго (надо понимать, станет тузом). Встречая блондина, поэт всегда пытался проверить, не роковой ли это человек. Хамил. Писал эпиграммы. (Вспомним историю с эпиграммой на А. Н. Муравьева, отломавшего руку у гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу в доме Волконской.) Пиковая дама — это якобы и есть та самая недоброжелательная цыганка. А фраза «Дама ваша убита» — намек на бесчестье, вызванное поведением жены. И тому подобные «прочтения», не выдерживающие серьезной критики.

Пушкин не был первым, кто описал карточную игру. Комбинация тройки с семеркой всегда считалась весьма счастливой. В повести «Голландский купец», опубликованной примерно тогда же, 3 и 7 являются выигрышными. Дама же традиционно убивалась, например у Гофмана в рассказе «Счастье игрока». Туза Пушкин

считал счастливой картой для себя, но часто проигрывал, в том числе главы «Онегина», откуда эти строки:

Бывал готов я в прежни лета
 Допрашивать судьбы завет:
 Налево ляжет ли вает?
 Уж раздавался звон обеден,
 Среди разорванных колод
 Дремал усталый банкOMET.
 А я, нахмурен, бодр и бледен,
 Надежды полн, закрыв глаза,
 Пускал на третьего туза.

Вает, кстати, лег направо. Вообще, пытаться исследовать тему «тройка-семерка-туз» бесперспективно. Объяснить эту комбинацию можно дюжиной разных способов, но к пониманию повести это не приблизит.

Все без исключения «дешифровки» «Пиковой дамы» страдают одним общим недостатком: объясняя отдельные детали, не раскрывают авторского замысла в целом. Дешифруют то, что не зашифровано, при этом не обнаруживая даже поверхностные связи. И главное — не объясняют ошеломляющее впечатление, производимое повестью на читателя. А ведь эта повесть — один из первых европейских метатекстов — вершина прозаического мастерства Пушкина.

Так что же происходит на самом деле в «Пиковой даме»?

Старая графиня в свои 87 лет более нормальна, чем молодой вуайерист Германн со своей параноидальной склонностью к подглядыванию: за игрой, за Лизаветой, за раздеванием (!) старухи... С каждой страницы на нас в упор глядит психопат с прогрессирующими наклонностями к разрушению и... пожилая дама, стремящаяся отвлечь его от губительного пути страстей, так же, как она когда-то сумела свернуть с него сама и не дала вступить на него ни своим детям, ни внуку. Однако...

Пушкинская власть над читателем такова, что тот безраздельно симпатизирует Германну. Среди хоровода ветреных шалопаев он единственный серьезный человек: решительно стоит на своем, убежденно размышляет о принципах, торжественно сходит с ума. Как минимум, нам жаль инженера с внешностью Наполеона и душой Мефистофеля — какие бы подлости тот ни совершал. Авторская власть такова, что Пушкин — одним эпиграфом! — низводит несчастную графиню с пьедестала положительного персонажа до ненавистной гадательной пиковой дамы — виновницы кошмарного финала. Как минимум, мы презираем 87-летнюю графиню. А за что? За ее возраст, внешний вид, отвратительный туалет... Между тем, где в самой повести пиковая дама (старая графиня) проявляет недоброжелательность? Почему читатель верит сумасшедшему с пиковой картонкой в правой руке и его бредовой догадке: «Старуха!» Почему 90 % читателей убеждены, что графиня отомстила ему с того света? Почему, в конце концов, виновата она, а не он?!

Положительный персонаж (старая графиня) показан глазами молодежи (Томский, Лизавета, Германн). Намечается вечный конфликт «отцов и детей». И читатель невольно оказывается на стороне «детей».

Однако вернемся к заглавному герою этой статьи. Почему все же Сен-Жермен не дал графине денег? Человек посвященный и пронительный, он понимал: природа ее долга такова (карточный проигрыш, случай, рок), что земными деньгами он не компенсируется. (Отдаст долг — и снова сядет играть. Рок против рока.) Но объяснять это непосвященной, ветреной и поверхностной даме словами — бессмыслен-

но. Зато можно дать ей это прочувствовать. Пусть поймет, чего стоит обратиться к своей пользе, заставить судьбу служить своей выгоде: возьми-ка Тайну, ощути ее могущество — назначь три карты, отыграйся и уясни, чего это стоит, прежде чем решишься испытывать силу рока за столом еще раз.

Графиня поняла это, но не до конца. Чаплицкому она назначила только три карты, не открывая Тайны. Это была не ошибка, просто степень ее собственного посвящения была недостаточна, чтобы научить Тайне. Графиня — не граф Сен-Жермен.

Собственно говоря, граф совершил великое благодеяние для мужа графини, вразумив ее на всю жизнь. Сделал то, чего не сумел супруг. Молодая графиня совершенно не понимала природы карточного долга. В то время как муж ее должен был оплатить некий специфический товар, произведенный герцогом Орлеанским из ничего. Граф пытался ей растолковать, «что под Парижем нет у них ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался от платежа». Они говорили на разных языках. Он — о деньгах как мере произведенного их именными товара, она — о пустом. В итоге взявшийся из ничего долг был погашен из ничего же.

А являлся ли Германну призрак графини? Вроде бы — да. Ведь Германн не просто запомнил видение, он его записал, после чего заснул, а проснувшись, прочитал. Но: он мог записать и свое собственное наваждение (вдобавок пьян был, как никогда), ведь сумасшедшие обычно любят скрупулезно все фиксировать. Против версии о «подлинности» посещения призраком Германна свидетельствует общий реализм повести, в то время как прогрессирующая шизофрения бедняги инженера очевидна для читателя задолго до сообщения об Обуховской больнице. В самом деле, никакой призрак и никакая запись не убедят нормального человека в том, что ему надо поставить все наличные деньги — 47 тысяч рублей! — на тройку. «Он с ума сошел! — подумал Нарумов». Зато сумасшедший может себя убедить в чем угодно, например, в том, что он — Наполеон (хотя он всего лишь внешне похож на Наполеона). Сумасшедший каббалист способен покуситься и на прерогативы Агасфера.

Но все-таки тройка и семерка выиграли соника! — возразят мне. — Да и туз выпал, как по заказу. Как же такое возможно?

Это и в самом деле главный вопрос для понимания Тайны Сен-Жермена.

Вернемся к началу повести.

— Как! — сказал Нарумов, — у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сразу, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики?

Нарумов сразу догадался про каббалистику. Не потому ли он просил Томского скорее представить его графине, что сам вознамерился перенять Тайну? Он понял, что графиня получила от Сен-Жермена самый высший из четырех уровней посвящения в тайное знание — каббалистический. Это род тонкого проклятия, которое можно запустить в действие, а можно и не запускать. Сен-Жермену не понравилось сравнение его с герцогом Орлеанским, сравнение не в его пользу. Конечно, при всем желании граф не мог бы объяснить графине всех тайн мира за пару часов, что они беседовали, да и она бы не поняла, ведь к такому уровню даже выдающиеся умы шли годами. Поверхностный Нарумов не понимает другого: ему кажется, что графиня карты угадывает, а более вдумчивый Германн убежден, что она их назначает: «...что, если старая графиня откроет мне свою тайну! — или назначит мне эти три верные карты».

Имена Германна и Жермена не случайно созвучны имени Гермеса (он же Меркурий, он же египетский бог Тот, он же отчасти синкретический мудрец Гермес Трисмегист). Герметические учения были популярны в среде аристократии после офи-

циального запрета всех тайных обществ. Весьма популярна была и каббала. Ее мало кто практиковал, но книжки почитывали (французские адаптации).

А чем занимались в действительности тайные общества? Да в общем, тем же, чем и современная наука: поиском некоей формулы. Только современная наука понимает эту всеобъемлющую формулу как преобразующую мир, а герметические учения искали формулу, мир творящую. Попросту говоря, наука дает формулы, сложное применение которых приведет в конце концов к созданию телефонной связи, а тайные учения позволяют иметь связь без всякого телефона. Какие-то элементарные формулы этого утраченного первичного языка (язык Адама, язык ангелов, язык Вавилонской башни, в конце концов, язык Логоса-Слова) Сен-Жермен и мог сообщить графине. Назначать (а не угадывать) три карты, то есть формировать некоторую простейшую реальность, она с тех пор умела.

Язык Адама — первоязык, на котором Адам общался с Богом, — именовал животных, выражал восхищение своей дамой... *Адама* тоже погубила *дама*.

Под влиянием Каббалы имен начинают считать, что соответствие между предметами мира подлунного и мира небесного применимо также и к именам. Согласно Агриппе, Адам дал имена вещам, как раз учитывая эти влияния и эти свойства небесных вещей; потому-то «эти имена содержат в себе удивительные силы, заключенные в означенных ими вещах» («*De occulta philosophia*» («*О скрытой философии*»)).

Теперь вспомним, что Германну вообще могло все примерещиться. Он ведь сомневался с самого начала: «Да и самый анекдот?.. Можно ли ему верить?.. Нет!» Но тут же, наперекор самому себе, Германн начинает генерировать различные каббалистические вычисления своего *руте*: «...расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал...» Смог ли бы он сам, будучи уже полусумасшедшим, сформировать такую реальность, при которой три придуманные им карты ложились бы налево с первых же прокидок? А почему бы нет? О существовании Тайны он знал, от тайны трех карт отличал уверенно. Возможно, знал и больше, чем просто о существовании. У графини он безнадежно пытался Тайну выведать. Дальнейшие его «умозаключения» выглядят еще более изощренными/извращенными: «Увидев молодую девушку, он говорил: „Как она стройна!.. Настоящая тройка червонная“. У него спрашивали: „который час“, он отвечал: „без пяти минут семерка“. Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза...» Прерываем цитирование отметим: *стройна* — *тройка*. *Пузастый* — *туза*. Продолжим цитату: «Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком». Предположим, что лепестки цветка напоминают тройку, готика угловата, как знак семерки, а туз и в самом деле похож на паука. И вот финал: «Он стал думать об отставке и о путешествии». *Отставка* — *ставка*. *Путь* = *route* = *руте*. Он думает о ставке на *руте*. «И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на *руте*?..» Соблазнился. Поставил.

Графиня ни при чем. Германн сам *назначает* три карты. Германн играет смыслами, звуками, образами. От общего к частному и обратно. Перебирает в уме и на языке. Ищет метасвязи. Налицо многочисленные виды экстатической каббалы. Обратимся к авторитетному слову Умберто Эко, который в свою очередь цитирует другие источники. Напомним, что для Германна Тора — это *руте*. А имена Бога: 3 — 7 — Т.

Каббалу имен, или экстатическую каббалу, применяют, произнося божественные имена, скрытые в тексте Торы, обыгрывая различные комбинации букв ев-

рейского алфавита. <...> Если к этому прибавить дыхательные упражнения, которыми сопровождается чтение имен по слогам, можно понять, как от этого чтения по слогам человек переходит к экстазу, а от экстаза — к приобретению магической мощи: ведь буквы, которые сочетает мистик, — те же самые звуки, через которые Бог сотворил мир. Этот аспект еще более разовьется в XV в. Идель говорит, что для Йоханана Алеманно, друга и вдохновителя Пико делла Мирандолы, «символический заряд языка превращался в почти математическую функцию. Так каббалистический символизм превращался в магический, колдовской язык или возвращался к онтому». Для экстатической каббалы язык сам по себе вселенная, и структура языка соответствует структуре реального мира. Уже Филон Александрийский в своих трудах пытался сопоставить сокровенную суть Торы с Логосом, миром идей, и платоновские концепции проникли в книги Мидраш-Аггады, в которых Тора рассматривается как план, по которому Бог создавал мир. Тем самым вечная Тора отождествлялась с Мудростью и во многих своих местах — с миром форм, вселенной архетипов. В XIII в., решительно склоняясь к аверроизму, Абулафия поставит знак равенства между Торой и Активным Интеллектом, «формой всех форм, соединяющей разрозненные умы» («Сефер мафтеах ха-тохаот»). Таким образом, в отличие от западной философской традиции (от Аристотеля до стоиков и средневековых мыслителей), а также арабской и иудейской философии, в каббале язык не замещает чувственный мир, где означающее представляет означаемое, или референта. Если Бог создал мир, произнося слова языка или буквы алфавита, эти семиотические элементы являются не представлениями чего-то, существовавшего до них, но формами, в которые отливаются элементы, образующие мир. Важность подобного утверждения... очевидна: *здесь описывается язык, признанный совершенным потому, что не только в точности отражает структуру вселенной, но и производит ее*, а следовательно, совпадает с ней, как печать с оттиском (У. Эко. «Поиски совершенного языка в европейской культуре»).

Теперь все окончательно прояснилось. Каббалой пушкинский Германн начал — каббалой кончил: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..»